

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ТИМ
СЕВЕРИН

САКСОНЕЦ
МЕЧ РОЛАНДА

Москва
2016

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
С28

Tim Severin

SAXON: THE BOOK OF DREAMS

Copyright © Tim Severin, 2012

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

Северин, Тим.

С28 Саксонец. Меч Роланда / Тим Северин ; [пер. с англ. М. В. Кононова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Исторический роман).

ISBN 978-5-699-87451-4

Саксонский королевич Зигвильф потерял на войне семью, владения, богатства — все, кроме благородного имени и самой жизни. Его победитель, король англов, отправляет пленника франкскому королю Карлу Великому в качестве посла, а вернее, благородного заложника. При дворе величайшего из владык Западного мира, правителя, само имя которого стало синонимом власти, Зигвильфа ждут любовь и коварство, ученые беседы и кровавые битвы. И дружба с храбрейшим из воинов, какого только носила земля. Человеком, чьи славные подвиги, безрассудную отвагу и страшную гибель Зигвильф воспевает, сложив легендарную «Песнь о Роланде»...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

© Кононов М.В., перевод на русский язык,
2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87451-4

ПРОЛОГ

Ахен, Франкия, 780 г.

Израженный Роланд, чувствуя приближение смерти, двинулся к огромной мраморной глыбе и, подняв Дюрандаль, изо всей силы ударил по камню. Брызнули искры, и на камне осталась зарубка, но Дюрандаль не сломался.

Три раза ударял он по камню, но клинок так и остался цел.

Стеная, Роланд лег ничком на траву, уронив рядом меч и рог, и приготовился отдать Богу душу.

Я кладу перо и жду, когда высохнут чернила. Приятно видеть, что буквы ровны и аккуратны. Я учился каллиграфии под критическим взором людей, убедивших короля, что такой почерк должен стать образцом для всего королевства. Выпрямившись на табурете, даю отдохнуть занемевшей спине и стараюсь не обращать внимания на бессвязное бормотание справа. Ирландский священник рядом,

краснощекий и плешивый, имеет неприятную привычку разговаривать за столом сам с собою. Сейчас середина января, королевскую канцелярию в Ахене наполняют сквозняки, и каждые несколько минут он вытирает сопли рукавом своей рясы. Священник записывает, что видел и слышал при дворе, и уже признался мне, что пишет биографию нашего господина и хозяина.

— Я назову ее «Житие короля Карла», — сказал он на латыни, но с мелодичным акцентом, характерным для жителей его острова.

«Скучное название для такой красочной темы», — подумал я, но ограничился вопросом, почему он взялся за этот труд, когда писцам имперского секретариата платят за составление официальных документов.

— Дорогой мой Зигвульф, — ответил он, — мудрость древних говорит нам, что когда умирает великий человек, история его деяний заслуживает большего, чем просто плесневеть в архивах. Жизнь великих должна быть запечатлена в классической прозе, бессмертной и вдохновляющей.

«Интересно, насколько живой будет его проза», — думаю я, когда он, шмыгая носом, добавляет:

— Бог даст, мою книгу станут читать и перечитывать грядущие поколения. Это будет не какая-то причудливая байка, чтобы рассказывать у очага или напевать на простенький мотив, который быстро теряется из памяти.

Конечно, он заблуждается. Устные сказки могут оказаться живее написанных пером, и живут они не меньше записанных, как я знаю по своему опыту, а запоминаются бóльшим числом людей.

Однако презрительное замечание священника заронило мне в голову мысль: написать историю о храбром

благородном рыцаре, который был моим покровителем и другом. И к тому же спас мне жизнь. Этой историей я запечатлею яркую память о нем. Временами он бывал высокомерным, мстительным, упертым и жадным до богатств, и все же все признают, что его смерть стала трагической утратой. Мало кто знает, если вообще знает кто-нибудь, что я покинул друга в его смертный час. Вот почему эта книга, дань уважения рыцарю, начинается с того, что я упомянул о его смерти.

Я все еще скорблю по нему.

ГЛАВА 1

— Беги! Спасай свою жизнь, дурак! — кричал мужчина.

Он был моим телохранителем, потому что дал королю клятву, что будет защищать его сына. Он схватил меня за руку и отвернул от страшного зрелища, а потом с силой толкнул в спину. Чудом удалось не потерять равновесия. Вскоре он сам последовал своему совету и стремглав пронесся мимо, бросив щит и меч. Я тупо стоял на месте, в голове звенело от удара, наверное, камень из пращи попал в шлем. За спиной слышались крики и улюлюканье мерсийцев. Они сломали наш непрочный строй с первого наскока. Большинство наших солдат вышли на бой со своими саксами, хотя от того, как они сжимали их в руках, казалось, что они пришли подстригать кусты, а не использовать по прямому назначению это смертоносное оружие, от которого и произошло имя нашего народа — саксы. Другие пришли с палицами, дубинами и топорами для колки дров. Некоторые принесли луки с горсткой стрел, больше подходящие для охоты на некрупную дичь.

Никто не подумал захватить запасные тетивы. Я заметил одного, вооруженного лишь цепом для молотьбы. Король не должен был посылать таких людей в бой.

Наш план был — остановить мерсийцев на гребне холма. Выстроившись в два ряда, плечом к плечу, мы издали воинственный клич и стали потрясать своим жалким оружием, больше для того, чтобы поднять собственный дух, чем бросая действительный вызов врагам. Стоял солнечный весенний день, и по долине скользили тени от облаков. Ветерок доносил соленый запах с моря и развеивал знамя нашего рода с черными оленьими рогами на желтом поле. Отец двигался верхом вдоль боевого строя, но лишь пара воинов прокричали что-то бодрое. Стоило только сравнить его клячу с мощным конем мерсийского военачальника у подножия холма, чтобы понять разницу в силах. Мой дядя Кинерик и два брата занимали места в первой шеренге. Я же, как младший сын короля, расположился чуть позади. Моей обязанностью было руководить нашим жалким резервом — парой десятков пожилых крестьян и таким же количеством домашних рабов.

Единственным нашим преимуществом был склон холма. Мы полагали, что мерсийцы не рискнут спускаться по такому крутому склону, но они решились. На нас ринулась устрашающая масса топающих и улюлюкающих воинов, стуча тяжелыми железными мечами по обитым кожей щитам. Одержав уже дюжину побед над такими же незначительными королевствами, как у моего отца, и вдвое превосходя нас числом, они чувствовали себя уверенно.

Все еще ошеломленный, я обернулся и взглянул назад. Мерсийцы набросились на наших людей, подавляя любой намек на сопротивление. Кто-то из наших упал навзничь от удара щитом в лицо. Я видел, как поднимаются и опускаются мечи и древки копий, рубя и коля

тех, кто проявлял малейшее намерение сражаться. Я узнал крестьянина, который приходил к нам на прошлой неделе заплатить десятину. Это был медлительный неуклюжий человек на полголовы выше окружающих, и на нем был железный шлем, как на мне. Бог знает, где он его раздобыл, но это ему не помогло. Какой-то мерсиец обманно замахнулся мечом в лицо, но потом опустил клинок и рубанул по ногам. Крестьянин рухнул на землю, как скошенная крапива. В отчаянии я высматривал отца. Нигде его не было видно. Наше знамя, обмотавшись вокруг древка, качалось туда-сюда, а через несколько секунд упало и скрылось из виду. Мимо пронеслась лошадь без всадника с обезумевшими от страха глазами. Я узнал ее — это был конь старшего брата, тот, наверное, тоже пал. Торжествующие крики врагов стали затихать, им требовалась передышка. Там и сям наши люди падали на колени и сцепляли руки, умоляя о пощаде. Резня утихла — не имело смысла рубить пленников, они скоро станут рабами.

Один мерсиец, коренастый воин в кожаном панцире, обшитом железными пластинами, заметил меня. Я стоял особняком, оглушенный ужасным зрелищем, и его бородастая рожа расплылась в алчной ухмылке. Должно быть, он увидел поблескивание тонкой золотой гривны, которую я получил предыдущей зимой, когда мне пошел шестнадцатый год. Он не собирался делиться такой добычей с товарищами. Без единого слова мерсиец устремился в мою сторону. Я пришел в себя и бросился прочь без надежды на спасение, ибо не очень быстро бегал. Братья дразнили меня за медлительность и не брали играть в догонялки, зная, что мне с ними не сравняться. Теперь было то же самое. Я слышал за спиной топот ног по дереву, и он раздавался все ближе и громче. Вскоре мое сердце подобралось к самому горлу, а колени перестали слу-

шаться. Слабо застегнутый шлем подскакивал на голове и сползал на глаза, так что в результате видно было лишь на ярд. Я бросил меч, но слишком поздно понял, что щит по-прежнему пристегнут к левой руке. Тщетно попытался стряхнуть его, но только потерял равновесие. Потом пробежал еще около пятидесяти ярдов, ощущая, что вот-вот стану добычей мерсийца. Доносилось его дыхание, враг торжествовал, предвкушая легкую победу.

Что-то твердое обрушилось на затылок. Я упал ничком на нагретую солнцем землю. К сладкому аромату истоптанной травы примешался запах пота и засаленной кожи, и мне на спину упало тяжелое тело. Воин прижал меня к земле коленями, шлем слетел и откатился. Он поднял за волосы мою голову, на одно ужасное мгновение показалось, что сейчас мерсиец отсечет ее. Но его рука резко толкнула меня лбом об землю. Стало нестерпимо больно. Я слабо попытался отползти, но рука мужчины крепко держала свою добычу. Он поднял голову и второй раз ударил ею о землю. На этот раз я не сопротивлялся и был рад тому, что сознание меркнет.

Уже больше месяца я знал, что так и будет.

Когда я пришел в себя, то по-прежнему лежал ничком. Руки были связаны сыромятным ремнем. Лицо упиралось в потрескавшуюся засохшую грязь. Жижка на щеке пахла куриным пометом. Застонав, я поднял голову, чтобы оглядеться. Было далеко за полдень, небо затянуло облаками, и я лежал во дворе перед домом короля, моим собственным домом. Во дворе собралась большая группа мерсийцев в боевом снаряжении. Они перешучивались, и, по очереди выходя вперед, каждый выбирал из кучи на земле какой-нибудь предмет добычи. Я уви-

дел там свой шлем и с содроганием заметил длинный разукрашенный отцовский меч.

Мужчина средних лет с мощным торсом и широкими плечами справа от меня следил за дележом. Он сидел на высоком резном деревянном сиденье, троне побежденного короля. Должно быть, мерсийцы вытащили самое лучшее, что нашли из мебели, когда грабили дом. Его завитые волосы были смазаны маслом и искусно зачесаны наверх. Даже без короны, украшавшей его лоб на отекавших в его монетном дворе деньгах, я без труда узнал Оффу, короля Мерсии. Я снова опустил лицо в грязь и лежал, не шевелясь, собираясь с мыслями. Отцовский меч в куче добычи подтверждал, что отец погиб на поле боя. Братья, скорее всего, тоже мертвы. Моя золотая шейная гривна, конечно, исчезла. Я чувствовал кровоподтек вокруг шеи в том месте, где мерсиец сорвал ее. Наверняка он спрятал драгоценность в карман. Сперва хотелось выдать его, но я все же решил, что это ни к чему не приведет. Добыча победителя. Прошлой осенью Оффа отправил нашему королю послание с требованием признать его господство и платить дань. Тот отверг требование, Оффа воспользовался этим как поводом для вторжения. Наше маленькое разбитое королевство сначала будет разграблено, а потом или станет данником Мерсии, или будет непосредственно включено во владения Оффы, которые уже составляли изрядную часть Англии.

Недавно мне приснился пугающе реалистичный сон. Рогатый олень мирно пасся на заросшем сочной травой лугу. Из темного леса поодаль появился огромный бык, ведомый лисицей. Звери приближались к оленю. Тот слишком поздно поднял голову и не успел встретить незваного пришельца рогами. Бык набросился на него и забодал свою жертву насмерть, пока лисица подбадривала его лаем. Проснувшись в холодном поту, я понял, что кричал сам.

Грубые руки подняли меня на ноги и потащили к вражескому королю. Куча награбленного добра исчезла. Настала пора делить пленников.

Позади трона стояла группа хорошо одетых людей — королевские советники. Я был потрясен, с отвращением увидев среди них моего дядю Кинерика. Должно быть, он сдался сразу же, как только началось сражение, и тем спасся. Его взгляд, полный стыда и высокомерия, сказал все, что нужно было знать: теперь он служил Оффе.

— Это единственный оставшийся в живых сын, — произнес мой конвоир.

Правитель жесткими серыми глазами осмотрел меня с головы до ног. Он увидел тощего среднего роста юношу, взлохмаченного и грязного, в тунике и рейтузах, с желтыми волосами, падающими на измазанное куриным пометом лицо.

— Как твое имя? — спросил Оффа хриплым голосом, глотая гласные, что характерно для мерсийского диалекта.

— Зигвильф, мой господин.

Губы короля изогнулись в презрительной усмешке.

— Волк-победитель. Не очень соответствует.

Изменник-дядя вышел из ряда советников вперед.

— Это младший сын. Был другой...

Мерсийский король жестом руки приказал ему замолчать. Он уже обращался со своим новым вассалом так, как он того заслуживал.

— Ну, и что нам с тобой делать? — спросил Оффа.

Я готупился и ничего не сказал. Мы оба понимали, что разумным шагом было бы убить меня, чтобы со мной закончился королевский род. Я подозревал, что мой дядя сговорился с мерсийцами еще до их вторжения. Его жена — дальняя родственница Оффы. Брак должен был установить кровные узы, закрепить дружбу между

соседствующими королевствами. В данном случае получилось наоборот. Возможно, кричащей лисицей и была его жена.

— Подойди ближе, парень. Дай взглянуть на твое лицо, — прогремел король.

Я приблизился и поднял голову, откинув со лба длинные волосы. Тут сквозь просвет в тучах выглянуло солнце и озарило двор, осветило меня, как раз в тот миг, когда я прямо взглянул в хмурое лицо человека, у которого хватало дерзости называть себя *Rex Anglorum* — королем англов.

Он едва заметно вздрогнул и сделал движение, как будто хотел перекреститься, но сдержал руку.

Я родился с темно-синими глазами. Это вполне обычно среди моего народа, и, как правило, через несколько месяцев после рождения они приобретают более светлый оттенок. Иногда глаза становятся серыми и очень редко карими. Но со мной получилось по-другому. Цвет правого глаза изменился, он постепенно стал зеленовато-карим, а левый побледнел до обычного светло-голубого. А с моим братом-близнецом — о нем я напишу позже — случилось обратное: его левый глаз изменил цвет, а правый остался тем же. Для многих в нашем сообществе это был знак дьявола, тем более что роды проходили тяжело, и мать умерла, едва мы появились на свет.

Не знаю, какую судьбу замыслил для меня король Оффа, но в то мгновение, когда увидел мои разные глаза, он передумал.

Я почувствовал неуверенность, когда он пытался придумать способ, как избавиться от меня. Оффа считал, что нанесение вреда тому, кто носит метку дьявола, навлечет на него беды от Нечистого.

И он обратился к моему дяде:

— Что известно об этом юноше?

— Любимчик своего отца, мой господин, — ответил тот с явной неприязнью ко мне. — Он был слишком драгоценен, его не послали на воспитание, как старших сыновей. Вместо того чтобы учить охотиться и воевать, его учили читать и писать.

— Значит, он не опасен? — приподнял брови Оффа.

— Я бы так не сказал, — поспешно ответил дядя. — Это скользкий тип, ему нельзя доверять. — Он изобразил льстивую улыбку, почтительную до отвратительности. — Может быть, Вашему Величеству следует выбрить ему тонзуру и заключить в монастырь.

Заключение нежелательной персоны в монастырь было эффективным способом убрать ее с глаз долой.

На лице правителя появилось задумчивое выражение.

— Каковы его привычки? — спросил он, словно интересовался выучкой и послушанием собаки, которую собирался купить.

— Он должен уметь вести себя с высокими особами, — неохотно признал дядя. — Воспитывался в королевском доме.

— Языки знаешь? — На этот раз вопрос адресовался лично мне.

— Только латынь, — промямлил я, еле ворочая пересохшим языком.

Какое-то время мужчина серьезно разглядывал меня.

— Помойте его и подыщите подходящую одежду, — наконец, объявил он. — В Мерсии ему найдется применение.

— Что же король решил? — послышался вопрос от одного из советников, седебородого старика.

Его подобострастный тон указывал, что вопрос был привычным, рассчитанным на то, чтобы дать Оффе возможность блеснуть мудростью.